Научи верить в любовь

Автор:
Дэни Коллинз

Научи верить в любовь

Дэни Коллинз

Любовный роман – Harlequin #1025

Единственный сексуальный опыт у невинной горничной Поппи Харри оказался обжигающим и абсолютно запретным. Ей не следовало поддаваться искушающему соблазну испанского аристократа Рико Монтеро, но его прикосновения будоражили кровь… и напомнили о себе через девять месяцев! Поппи считает, что им не суждено быть вместе. До тех пор, пока Рико не появляется на пороге ее дома, требуя свою дочь – и с твердым намерением сделать Поппи своей женой!

Дэни Коллинз

Научи верить в любовь

The Maid’s Spanish Secret

© 2019 by Dani Collins

«Научи верить в любовь»

© «Центрполиграф», 2021

© Перевод и издание на русском языке,

«Центрполиграф», 2021

* * *

Пролог

Рико Монтеро доехал до виллы брата, расположенной в двух часах езды по побережью от Валенсии, за семьдесят три минуты. Он чувствовал себя запертым в своем пентхаусе, ему был необходим воздух. Он выехал из гаража на новеньком «GTA Spano» и попытался убежать от собственного мрачного настроения. Рико бесцельно гнал по побережью, пока его не остановили за превышение скорости.

Узнав, где находится, Рико сказал офицеру, что едет повидаться с братом.

Поскольку он находился буквально по соседству, то решил не усугублять свои преступления ложью. Он покатил через виноградник Сезара к современному дому, раскинувшемуся на склоне холма.

Он сказал себе, что не скучает по винограднику, которым с гордостью владел почти десять лет – задолго до того, как его брат решил, что его интересуют виноградники и виноделие. Увлечение Рико этим процессом иссякло вместе с его интересом к жизни как таковой. Продав эту собственность, он порвал с прошлым.

«Прошло уже восемнадцать месяцев, – сказала его мать вчера за обедом. – Пора задуматься о будущем».

Рико ушел с мыслью: «Давай найди мне еще одну коварную, неверную невесту». Но вслух ничего не сказал. Он обещал унести эту тайну с собой в могилу.

Он выругался и загнал машину на стоянку, а затем выскочил из нее, мрачно сознавая, что ему совершенно не удалось избавиться от гнетущего настроения.

– Рико! – крикнула его невестка Сорча, открыв дверь прежде, чем он успел подняться по широким ступеням.

– Матео, смотри. К нам пришел Тио Рико, – обратилась она к ревущему малышу, сидящему у нее на бедре. – Какой приятный сюрприз, правда?

Сорча не была красавицей, которых он привык видеть рядом с Сезаром, скорее приветливой домохозяйкой. Джинсы и топ в крестьянском стиле были дизайнерскими, но она почти не пользовалась косметикой, а светлые волосы были завязаны в простой конский хвост. Она хмуро смотрела на своего несчастного сына с нежностью и сочувствием, ничуть не смущаясь его истерики.

– Папа. – Глубоко несчастный Матео указал на заднюю часть дома.

– Ему уже давно пора спать, – сказала Сорча и жестом пригласила Рико войти. – Но он знает, что кто-то взял кого-то еще на В-И-Н-О-Г-Р-А-Д-Н-И-К.

– Ты говоришь по-английски, но тебе все еще приходится произносить слова по буквам? – усмехнулся Рико.

– Он так быстро все схватывает. О! – Она поймала Матео, когда он потянулся к Рико, почти вырвавшись из ее объятий.

Рико легко поймал его.

– Извини, – пробормотала Сорча.

– Где папа? – спросил мальчик.

Малыш родился всего за несколько недель до злополучной свадьбы Рико. Матео был крепок, упрям и полон энергии, присущей всем мужчинам Монтеро. Вот почему он так мучил свою мать.

– Мы это обсудим, – сказал Рико мальчику и посмотрел на Сорчу. – Тебе нужно переодеться, – посоветовал он, не в силах больше выносить это мучительное счастье в ее глазах.

– Почему?.. Ох. – Она заметила то место, где Матео терся своим мокрым лицом о ее плечо. – Ты в порядке?

– Ради бога, Сорча, – пробормотал он сквозь зубы.

Рико тут же пожалел о своей вспыльчивости и быстро обуздал свой гнев.

– Я не хотел грубить, – выдавил он, собрав все свое самообладание и прижимая племянника к плечу. – Все в порядке.

– Все в порядке, Рико. – Она сжала его руку. – Я понимаю.

Нет. Но, к счастью, она ушла, оставив Рико наедине с Матео, который ни черта не забыл. Он сделал еще одну попытку, указывая рукой туда, где, по его мнению, находился Сезар.

Глаза Матео были опущены, щеки покраснели.

– Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, – сказал Рико мальчику.

Как и Матео, Рико был младшим братом будущего герцога. Ему тоже полагалось прожить прекрасную жизнь, чтобы не запятнать титул, который никогда не получит. Было еще простое братское соперничество.

Рико поднялся по парадной лестнице в спальню, которую переделали в игровую комнату для мальчиков, не думая о том, как блестяще Сезар выполнил свой долг, обзаведясь двумя умными и здоровыми детьми, прекрасным домом и потрясающей, добросердечной женой.

– Есть некоторые реальности, о которых не стоит плакать, – сообщил он Матео, когда они вошли в комнату. – Твой отец говорил мне об этом.

Сезар пришел его урезонить, возможно, потому, что устал от одиночного заключения своего товарища по играм.

«Разве тебя не бесит, что они даже не слушают?» – спросил Рико у Сезара в тот давний день.

«Конечно. Но злость ничего не изменит. С таким же успехом ты можешь принять это и подумать о чем-то другом».

Слова, по которым Рико научился жить.

– Я всегда буду слушать, если тебе нужно будет с кем-то поговорить, – сказал он племяннику, усаживаясь в кресло. – Но иногда ничего нельзя сделать, чтобы что-то изменить. Это суровый жизненный факт.

Матео перешел на всхлипывания.

– Может, нам почитать книгу? – Рико взял первую попавшуюся книжку с картинками. Она была двуязычной, с поездами, собаками и бананами, помеченными на английском и испанском языках.

Читая книгу, он намеренно понизил голос до невнятного гула. Голова мальчика на его груди становилась все тяжелее и тяжелее.

– Спасибо, – прошептала Сорча, заглянув в комнату.

Рико кивнул и отнес спящего мальчика в кроватку. Вошла няня.

– Когда Матео проснется, не говори ему, какой я предатель, – сказал он Сорче, спускаясь с ней по лестнице.

– Вообще-то, я собиралась пригласить тебя на ужин на этой неделе. Я хочу кое о чем с тобой поговорить. Мы можем пройти в кабинет Сезара? – нахмурилась Сорча.

Рико вздохнул.

– Если речь идет о моей повторной женитьбе, то мама передала твои опасения.

– Я хотела поговорить о другом, – пробормотала Сорча, закрывая дверь и махнув рукой в сторону дивана. – И мое воображение может разыграться. Я ничего не сказала Сезару.

Она налила два стакана ирландского виски и принесла туда, где стоял Рико.

– Неужели? – растягивая слова, произнес Рико.

– Пожалуйста, не сердись на меня. Я знаю, что переступила черту, предложив твоей матери не настаивать на повторном браке, но я забочусь обо всех вас. – Она сидела упершись локтями в бедра, наклонившись вперед и сцепив руки.

– Сорча, – как можно более спокойно произнес Рико. – Я в порядке. – И, прежде чем ему пришлось выдержать еще один полный мучительного сочувствия взгляд, добавил: – Если бы я был на твоем месте, я бы понял, почему ты думаешь, что это не так, но, честно говоря, ты должна перестать беспокоиться обо мне.

– Этого никогда не случится, – сказала Сорча уверенно. – Могут быть другие факторы, которые следует учитывать. Я чувствую себя такой лицемеркой.

– Почему? – удивился Рико. – Что происходит?

Сорча нахмурилась, поставила стакан на стол, взяла телефон и уставилась на него, не включая.

– Эльза, наша няня, показала мне кое-что, что появилось в ленте новостей.

– Что-то компрометирующее? Может быть, что-то прояснилось в отчете коронера? Это из-за Фаустины?

– Нет! Нет, дело вовсе не в ней. – Сорча коснулась лба пальцами. – Эльза всегда ходит с нами, когда мы ужинаем у твоей матери, она знакома с тамошними служанками и подписана на некоторых из них в социальных сетях.

– Честно говоря, я редко проверяю свои аккаунты в социальных сетях, – сказал Рико, равнодушно стряхивая с колена несуществующую ворсинку. – Особенно после смерти Фаустины. Это очень сентиментально.

– Наверное, ты прав. – Выражение ее лица стало напряженным. Она посмотрела на телефон, который сжимала в ладонях. – Но, так или иначе, я думаю, что ты должен знать об этой новости. – Закусив губу, она дотронулась большим пальцем до экрана, щелкнула, чтобы открыть фотографию, и протянула телефон Рико. – Сначала Эльза решила, что это Матео переодели девочкой. Это единственная причина, по которой она обратила на это внимание и показала мне. Должна согласиться, что есть определенное сходство.

Рико бросил взгляд на малыша. Он никогда не видел Матео в розовом матросском слюнявчике и шляпе, но улыбка девочки была очень похожа на ту, которую он выпросил у своего племянника до того, как голова мальчика упала ему на грудь.

– Вообще все мои аккаунты в социальных сетях закрыты, – сказала Сорча. – Я слышала, что фотографии можно украсть и поместить в рекламе без разрешения. Я думала, что именно это и произошло. Эльза заверила меня, что она никогда не делится снимкали мальчиков ни с кем, кроме меня или Сезара.

– Говорят, у всех нас есть двойник, – равнодушно сказал Рико. – Похоже, вы нашли двойника Матео.

– Это единственная фотография, где она так похожа на него, – пробормотала Сорча, забирая телефон. – Я просмотрела профиль. Мать ребенка – фотограф.

– Это часть ее портфолио для домашнего бизнеса. Ее зовут Поппи Харрис. Я имею в виду мать. Девочку зовут Лили.

В сознании всплывали картинки домашнего солярия его матери, когда они с Поппи так импульсивно занимались любовью.

– А ты знаешь… помнишь ее? – осторожно спросила Сорча.

Кожа пахла нектаринами, пышные завитки вьющихся рыжих волос заполняли его руки, пока он целовал ее алые губы. Он точно помнил радостные крики наслаждения.

И он живо вспомнил тиканье часов на каминной полке, когда на следующее утро сидел в гостиной матери и зудящий огонь в его крови сводил его с ума. Он был на грани того, чтобы отправиться на ее поиски, потому что не мог перестать думать о ней.

Затем появилась Фаустина. Семейные обязательства снова обрушились на него, придавив тяжестью свадьбы, которая была отменена, но теперь снова состоялась. Они будут делать вид, что разрыва никогда не было.

– Рико? – мягко подсказала Сорча, возвращая его в настоящее. – Я знаю, что это должно быть шоком.

– Почему ты думаешь, что она моя? – дерзко спросил он.

– Ну, не подозревать же мне собственного мужа, не так ли? – слегка растерялась Сорча. – В то время ты жил на вилле своих родителей. Откровенно говоря, твой отец не проявляет особой страсти ни к одной женщине, ни к молодой, ни к старой. Однако ты некоторое время считался свободным мужчиной.

Рико давно подозревал, что успех брака его родителей можно объяснить тем, что оба они были поглощены работой.

Глаза Сорчи стали большими, мягкими и полными мучительной жалости.

– Я не осуждаю тебя, Рико. Я знаю, как это происходит.

– Держу пари, что это так.

Он тут же пожалел о своих словах. Это был не он. По крайней мере, это был не тот человек, каким он был под слоем едкой ярости, которую он, казалось, не мог пролить. Сорча определенно не заслуживала таких гадких проявлений его характера.

Она отшатнулась.

– Моя мать была служанкой моего отца, когда она зачала меня, – заметила она с обидой в голосе.

Рико осушил свой бокал, выжигая слова, которые вертелись у него на языке.

Слова, которые он не мог произнести, потому что пытался избавить родителей Фаустины от унижения, когда они уже были уничтожены потерей своего единственного ребенка.

– Как малышка появилась – это твое дело, Рико, но никогда не обвиняй меня в том, что я втянула Сезара в этот брак. Я ушла, если ты помнишь. – И Поппи тоже. Может, лучше спросить себя, почему, если ты такой ценный приз, она не хочет иметь с тобой ничего общего. У меня есть идея, если ты не можешь понять ее сам.

Сорча прошествовала к двери и распахнула ее, приглашая его уйти с высоко поднятой головой и выражением ледяного презрения, пронзившим его совесть сквозь щиты безразличия, которые он укреплял с тех пор, как нашли Фаустину.

– Я не должен был этого говорить, – выдавил Рико. Голова у него шла кругом. – Расскажи Сезару то, что рассказала мне. Я позволю ему ударить меня по лицу за то, что я сказал тебе, – серьезно ответил Рико.

Сорча не оттаяла.

– Разберись со всем. Я, как и мой муж и сыновья, заинтересована в исходе дела.

– Обязательно, – пообещал он. – Немедленно.

Глава 1

Поппи Харрис наполнила свежевымытую чашку водой, но Лили не обратила на это внимания и продолжала показывать на полку.

– Ты хочешь настоящую кружку, не так ли?

Две недели назад из детского сада пропала чашка-непроливайка Лили. Бабушка Поппи, будучи старой закалки, считала емкости с закрытыми крышками и соломинками глупыми. В ее дни младенцы учились пить из настоящей чашки.

С тех пор как Поппи экономила абсолютно на всем, она не купила новую. Вместо этого она проводила дни, вытирая капли, и была так счастлива, когда чашка снова появилась сегодня.

К несчастью, Лили уже была большой девочкой.

– Спасибо, бабушка.

Поппи пошла на компромисс, ослабив хватку Лили на своей штанине, а затем мягко усадила ее на попу, не в силах сопротивляться ласковым прикосновениям пальцев к прекрасным золотисто-рыжим кудряшкам. Она протянула ей герметичную чашку и пустой пластиковый стакан.

– Я ставлю печенье в духовку, бабушка! – крикнула Поппи.

Она налила небольшую порцию супа из лука-порея и картофеля из мультиварки в неглубокую миску и поставила ее на стол, чтобы Лили могла спокойно поесть, когда они сядут.

– Только что подъехала самая шикарная машина, какую я когда-либо видела, Поппи, – сказала бабушка дрожащим голосом. – Мужчина очень красивый.

– Что? – хрипло спросила Поппи.

В дверь позвонили.

Поппи не могла пошевелиться. Она посмотрела на дочь, окаменев от мысли, что Рико здесь, чтобы заявить на нее права. Что бы он сказал? Как она могла остановить его?

Это не он, сказала она себе. Это был один из тех пророков в костюме-тройке, которые раздавали брошюры о мире, находящемся на грани уничтожения.

Ее мир прекрасен, успокаивала она себя, все еще глядя на эльфа, который составлял львиную долю всего, что было важно для нее. Лили запрокинула голову, пытаясь слить воду из пустой чашки.

Снова прозвенел звонок.

– Поппи? – подсказала бабушка, взглянув в ее сторону. – Ты откроешь?

Зрение и слух никогда не подводили бабушку. Остеопороз, однако, повлиял на ее подвижность. Кости у нее были такие хрупкие! Поппи приходилось постоянно следить, чтобы Лили и ее игрушки не путались под ногами.

– Конечно.

Поппи резко вышла из оцепенения и оглянулась, чтобы убедиться, что калитка в кухню закрыта. Все ящики и шкафы были заперты, кроме того, где хранилась пластиковая посуда. Миски для смешивания были излюбленным местом, когда их вытаскивали и укладывали в гнезда, наполняли игрушками и мерными чашками, а затем без церемоний выбрасывали. Поппи прошла мимо сидящей бабушки к входной двери.

Поппи взглянула в окно и увидела темно-коричневую летную куртку, надетую поверх черных джинсов, но она знала эту голову, эту спину с широкими плечами, этот зад и длинные ноги.

Его приезд был похож на удар под дых.

Рико постучал.

– Поппи? – подсказала бабушка, озадаченная ее поведением.

Кровь кипела, сердце бешено колотилось, но Поппи открыла дверь.

Вся сила его уверенности в себе пронзила ее насквозь. Жесткий угол подбородка, суровый изгиб рта, широкие плечи, длинные ноги и руки, сжатые в кулаки ладони.

Поппи вздернула подбородок и сделала вид, что ее сердце не бьется в груди, как торнадо в прериях.

– Могу я вам чем-нибудь помочь? – спросила она точно так же, как если бы он был совершенно незнакомым человеком.

Его рука потянулась к дверному косяку.

– Неужели? – спросил Рико с усмешкой.

– Кто там, Поппи? – спросила ее бабушка.

Он слегка напрягся, словно удивляясь, что она не одна. Затем он презрительно скривил губы, ожидая, не солжет ли она.

Поппи сглотнула, все ее тело гудело, но она выдержала его взгляд сквозь непроницаемые очки и сказала уверенно:

– Мужчина, о котором я тебе рассказывала. Из Испании.

Бросать ему вызов было неразумно. Поппи знала это по ощущению угрозы в животе, но за последние два года ей пришлось чертовски быстро повзрослеть. Она не была наивной путешественницей, поддавшейся обаянию очаровашки, оказавшейся воровкой, или даже горничной со звездными глазами, которая подтолкнула распутного плейбоя соблазнить ее.

Она была взрослой женщиной, которая научилась смотреть в лицо своим проблемам.

– Да?

Тон бабули выдал всю игру одним шепотом. За ее любопытством скрывалось беспокойство. Понимание. Этот возглас не был похож на беззаботное «Разве не здорово, что твой друг появился». Скорее на встревоженное «Почему он здесь?».

Прятаться было некуда. Поппи, возможно, и не могла читать по глазам этого человека, но она понимала язык его тела. Он здесь не для того, чтобы задавать

вопросы. Он здесь для того, чтобы противостоять ей.

Потому что он знал, что она родила от него ребенка.

Глаза Поппи наполнились слезами, но, несмотря на шок, она среагировала, увидев своего любовника, своего первого и единственного любовника через двадцать месяцев после того, как они зачали дочь. Она считала свой короткий час с ним мгновением безумия.

С тех пор центром мира стала дочь. Поппи была уверена, что ее сексуальное влечение иссякло. Или, по крайней мере, находилось в спячке.

Как выяснилось, ее либидо живо и здорово. Жар затопил тело, Поппи вдруг оказалась во власти воспоминаний о холодном прикосновении пряжки ремня к ее бедру, о влажном поту в ложбинке его позвоночника, когда она запустила руки под его расстегнутую рубашку, чтобы ободряюще обнять его. Она точно помнила, как он нежно поцеловал ожог от усов на ее подбородке, с извиняющимся рыком в горле. То, как Рико сдержанно обхватил ее грудь, а потом лизал и посасывал сосок, пока она не начала извиваться под ним.

Поппи покраснела. Сильно. От этого обжигающий момент превратился в вечность. Она была переполнена унизительной неловкостью и искала подходящие слова.

– Пригласи его войти, Поппи, – упрекнула ее бабушка. – Ты расплавишь подъездную дорожку.

Она имела в виду, что Поппи выпускает тепло из дома, но слова старушки заставили Поппи покраснеть еще сильнее.

– Конечно, – смущенно пробормотала Поппи. – Проходите.

Объяснения срывались с языка, но для такого человека, как он, ее жалкие бормотания ничего не значили. Возможно, он и казался человеком, которого легко соблазнить, но позже Поппи поняла, насколько безжалостным и целеустремленным он был на самом деле. Страсть, в которой она убедила себя, была взаимной.

На следующее утро он чинил изгороди со своей невестой – женщиной, которую, Поппи точно знала, он не любил. Рико сказал Поппи, что согласился на этот брак только для того, чтобы стать президентом компании, и, похоже, ничуть не огорчился, что свадьбу отменили.

Смущение заставило Поппи смотреть на его ноги, когда она закрывала за ним дверь.

– Не могли бы вы снять сапоги?

Ее просьба заставила его задуматься. В доме его матери обувь не снимали, особенно гости. Одна пара их обычной обуви стоила больше, чем Поппи заработала за четыре месяца службы в этом доме.

Рико снял сапоги и поставил их у стены. Затем сунул очки в нагрудный карман. Его глаза были сланцево-серыми, без единой искорки голубого или ярко-зеленого, которые окружали его огромные зрачки в тот день в солярии.

Остановив на Поппи холодный взгляд, он тут же посмотрел мимо нее в переднюю комнату крошечного бунгало, которое ее дед построил для своей жены, когда работал линейным рабочим в гидрокомпании. Это был дом, куда дедушка привез свою невесту в день свадьбы. Именно сюда они приехали с единственным сыном и здесь вырастили единственную внучку.

Увидев Рико, Поппи смирилась и стала защищаться. Это не шло ни в какое сравнение с роскошной виллой, в которой он вырос, но это был ее дом. Поппи не стыдилась этого, только поражалась, как он мог так легко поставить все под угрозу одним щелчком пальцев. Дом даже не принадлежал ей. Если Рико пришел сюда, чтобы забрать Лили, в ее распоряжении было очень мало ресурсов.

– Здравствуйте, – поздоровался Рико с бабушкой, когда она выключила телевизор и отложила пульт в сторону.

– Это Рико Монтеро, бабушка. Моя бабушка, Элеонора Харрис.

– Тот самый Рико?

– Да.

Брови мужчины чуть приподнялись. Поппи поморщилась.

– Приятно познакомиться. Наконец-то. – Бабушка привстала.

Поппи шагнула вперед, чтобы помочь ей, но Рико быстро коснулся руки ее бабушки и сказал:

– Нет никакой необходимости вставать. Очень приятно с вами познакомиться.

Бабушка тепло улыбнулась ему.

– Я хотела уйти, чтобы дать вам возможность поговорить наедине. Я думаю, вы за этим пришли.

– В таком случае да, пожалуйста. Позвольте мне помочь вам. – Рико перешел на ее сторону и поддержал с нежной заботой.

«Не оставляй меня с ним одну», – хотелось крикнуть Поппи, но она поставила перед собой бабушкины ходунки.

– Спасибо, бабушка.

– Я послушаю радио в своей комнате, пока ты не придешь за мной, – сказала старушка и, шаркая ногами, вышла в холл. – Не забудь про печенье.

Печенье. В данный момент за печенье Поппи переживала меньше всего. Она пока не чувствовала запаха, но таймер мог сработать в любую секунду. Она двинулась по коридору к кухонной двери, ведомая инстинктами матери-медведицы.

– Почему ты здесь? – дрожащим голосом спросила Поппи.

– Я хочу ее видеть. – Рико расправил плечи так, что она поняла: он никуда не уйдет, пока не сделает этого.

Удушающее чувство сдавило грудь и сжимало горло тисками. Поппи хотела, чтобы Рико ответил на вопрос. Что он собирается делать? Она не была готова встретить ответ лицом к лицу.

Пытаясь выиграть время, она выдавила:

– Как ты узнал?

Если бы они не стояли так близко, она могла бы не заметить, как расширились его зрачки, а дыхание перехватило, словно от удара. Яростный, злой огонек удовлетворения сверкнул в глазах Рико.

– Сорча видела фотографию ребенка, похожего на Матео, которую ты опубликовала. Я навел справки.

Поппи в ярости опустила подбородок.

– Все из-за нового папы в детском саду! Я думала, что он заигрывает со мной, задавая все эти вопросы.

Темные брови Рико сошлись на переносице.

– Он к тебе приставал?

– Нет. Сказал, что взял чашку Лили по ошибке, но это был предлог поговорить со мной.

– Он взял ее для анализа ДНК.

– Так нельзя, – возмутилась Поппи.

– Согласен, что не должен прибегать к таким мерам, чтобы узнать, что у меня есть ребенок. Почему ты мне не сказала? – спросил Рико сквозь стиснутые зубы.

У Рико был повод сердиться. Поппи этого не отрицала. Но она не была злодейкой. Просто глупая девчонка, которая попала в беду из-за мужчины и

сумела извлечь максимум пользы из трудной ситуации.

– Я не знала, что беременна, пока ты не женился. А потом во всех газетах обсуждали одну и ту же новость, что Фаустина тоже в положении.

Это не должно было быть таким ударом, когда она прочитала это. Его свадьбу отменили на целый день. У многих людей на мгновение замерзли ноги, прежде чем они закончили церемонию. Она признала, что была побочным ущербом для этого.

Но к тому времени Поппи чувствовала себя очень подавленной. Она должна была знать, что нельзя позволять себе увлекаться. Она не приняла никаких мер предосторожности. Она была беспечна и глупа, поверив ему, когда он сказал ей, что он и его невеста не спали вместе.

Все это заставило Поппи почувствовать себя такой унизительно глупой. Она надеялась, что никогда больше не столкнется с ним и своей доверчивостью.

Вот тебе и все.

И смотреть ему в лицо было так сложно.

– Фаустина умерла год назад, в сентябре прошлого года, – сказал он тем же суровым тоном. – У тебя было достаточно времени, чтобы признаться.

– Сожалею о твоей потере, – тихо сказала Поппи. Независимо от того, что он чувствовал к своей жене, потеря ребенка, должно быть, была разрушительной. Лицо Рико напряглось, и он слегка отшатнулся от слов соболезнования. – Мой дедушка был очень болен, – хрипло продолжала она. – Если ты помнишь, именно поэтому я и вернулась домой. Он умер как раз перед Рождеством. Бабушка нуждалась во мне. Не было подходящего времени, чтобы все встряхнуть.

Выражение его лица слегка изменилось. Поппи казалось, что его печаль гораздо острее, чем ее. Она оплакивала человека, который прожил полную жизнь и ушел без боли и сожаления. Они провели службу, которая была настоящим праздником его долгой жизни.

Рико кивнул, принимая ее извинения, и лишь болезненно поморщился, признавая, что это была его очень личная и очень болезненная потеря.

Неужели горе привело его сюда? Неужели он пытается заменить своего потерянного ребенка живым? Нет. Мысль об этом мучила Поппи.

Прежде чем она смогла найти слова, чтобы справиться с этим страхом, на кухне запищал таймер.

Лили тоже притихла, что было верным признаком беды.

Поппи резко повернулась и выглянула из-за дверного косяка, боясь представить самое худшее. Лили сидела и пыталась разбить об стол миску для еды.

Крепкие руки опустились Поппи на плечи. Дикий запах Рико и жар его тела окружили ее. Он посмотрел мимо нее на кухню. На дочь.

Выражение его лица было непроницаемым, оно было таким замкнутым и напряженным, что ее сердце ушло в пятки.

«Люби ее! – хотелось крикнуть Поппи. – Пожалуйста».

Рико громко вздохнул. Он набрал так много воздуха, что его грудь раздулась и коснулась ее спины. Его руки крепче сжали ее плечи.

Услышав тихий звук, Лили подняла свои великолепные серые глаза, так похожие на глаза ее отца.

– Мама, – пропищала Лили. Миски были забыты, и она поползла к ним, подтягиваясь на калитке.

Улыбка Лили помогала Поппи пережить все ее трудные дни. Она была целым миром для Поппи. Родители Поппи далеко, дедушка умер, бабушка… Ну, Поппи не хотела думать о том, чтобы потерять ее, хотя и знала, что это неизбежно.

Но она растила дочь, которая являлась для нее всем.

– Привет, пуговка, – прошептала Поппи. Она подхватила дочь на руки и поцеловала в щеку, не в силах устоять перед этим сладким запахом малышки. Затем она отряхнула руки Лили, потому что не имело значения, сколько раз она подметала или пылесосила, Лили находила пылинки и соринки в своем нетерпеливом исследовании окружающего мира.

На этот раз, взглянув на Рико, Поппи увидела его реакцию более отчетливо. Напряженность в его взгляде разъедала белоснежную кожу Лили и губы Купидона.

Ее эмоции снова закружились. Она нуждалась в этом. Ее сердце жаждало увидеть, как он примет свою дочь, но он тоже был угрозой.

– Это Лили. – Ее имя было поразительно сентиментальным, совсем не таким романтичным, как полагалось бы Поппи, но, поскольку ее собственное имя было цветком, оно казалось правильным.

Поппи запнулась, не готовая сказать Лили, что это папа.

Девочка поднесла пальцы ко рту и сказала: «Ейть».

– Есть? – переспросила Поппи и убрала руку с горла. – Ты голодна?

Лили кивнула.

– Язык жестов? – спросил Рико, и голос его искрил от беспокойства. – У нее проблемы со слухом?

– Это язык жестов для младенцев. Его преподают в детском саду. Она пытается говорить, но пока объясняется жестами, – ответила Поппи. Она перешагнула через калитку в кухню и выключила духовку. – А ты… – Она не могла поверить, что это происходит, но хотела как можно дольше избегать неприятных разговоров. – Ты присоединишься к нам за ужином?

– Тебе не нужно готовить, – после минутной паузы сказал Рико. – Я могу что-нибудь заказать.

– Откуда же? – Поппи сухо усмехнулась, усаживая Лили в кресло. – У нас есть китайская еда на вынос и пицца. Суп уже приготовлен.

Она завязала Лили нагрудник и поставила перед ней миску с остывшим супом и маленькую плоскую ложку.

Девочка схватила ложку и бросила ее в густой суп.

– Арендовать машину было непросто для моих сотрудников, – рассеянно заметил Рико, нахмурившись, когда Лили промахнулась и размазала суп по собственной щеке.

– Бабушка сказала, что ты водишь что-то необычное, – вспомнила Поппи. Она забыла посмотреть, не в силах видеть дальше этого человека ничего другого.

– «Альфа-ромео», но это седан.

С автокреслом? Поппи доставала печенье из духовки и чуть не уронила его на пол.

– Ты остановился в мотеле?

– Нет, – фыркнул Рико. – Мои сотрудники сняли коттедж в часе езды отсюда, так что у меня есть кровать, если я захочу остаться.

Поппи попыталась понять выражение его лица, но он смотрел на Лили, нахмурившись от раздражения, когда та повернула голову и открыла рот в поисках конца ложки.

Решительным движением он снял пиджак и повесил его на спинку стула. Затем он взял чайную ложку, стоявшую рядом с подставкой Поппи, и повернул кресло лицом к Лили. Он сел и начал помогать ей есть.

У Поппи перехватило дыхание, когда она увидела, как этот энергичный мужчина кормит их дочь. Тугие мускулы натянули швы рубашки, что говорило о его напряжении, но он спокойно ждал, пока Лили попробует, прежде чем осторожно прикоснуться кончиком чайной ложки к ее нижней губе. Он позволил Лили

наклониться и съесть, прежде чем они оба отправились за следующей ложкой в миску.

Неужели Поппи мечтала об этом? Может, ей это снится? Это было такое сладкое зрелище!

– Ты сказала, что время было выбрано неверно.

Поппи потребовалось мгновение, чтобы понять, что он вспоминает тот день, когда они зачали их дочь. Она могла только стоять в молчании, в то время как ее щеки горели.

– Когда мы… – продолжил Рико.

– Я поняла, о чем ты, – отрезала она, отворачиваясь, чтобы выложить на тарелку горячие бисквиты, снова охваченная непонятным смущением.

Тогда Рико заметил кровь и спросил, начался ли у нее цикл. Она была слишком смущена, чтобы сказать ему, что это был ее первый раз.

Поппи не сказала ему, что провела в Испании лишний день, надеясь, что он найдет ее только для того, чтобы услышать, что свадьба снова состоится.

Это известие заставило ее уйти со сцены, размышляя о том, каким ничтожеством она была для мужчины, находящегося в коротком отпуске после помолвки. Контрацепция должна была быть на первом месте, но…

– Я пыталась успеть на самолет. – Поппи обхватила себя руками, стараясь не дать трещине в груди расшириться. Она чувствовала себя такой беззащитной и не могла встретиться с его проницательным взглядом. – Честно говоря, я действительно думала, что время было выбрано неверно. Я даже не осознавала, что беременна, пока не появились первые признаки. У меня почти не было симптомов. Я думала, что те немногие признаки возможной беременности связаны со стрессом. Здоровье дедушки ухудшалось. К тому времени, как это подтвердилось, ты уже женился. – Наконец Поппи посмотрела на него и протянула руку ладонью вверх, умоляя о понимании.

В его суровом выражении лица не было никакой мягкости.

– Я не думала, что ты… – Она не могла сказать вслух о своем страхе, что он не захочет свою дочь. Не тогда, когда он кормил Лили с такой заботой.

Слезы выступили у нее на глазах.

– Я хочу ее видеть, Поппи. Вот почему я здесь.

Сердце бешено заколотилось.

– Не смотри так испуганно. – Он снова обратил свое внимание на Лили, которая наблюдала за происходящим с открытым ртом. – Я здесь не для того, чтобы забрать ее.

– Что же тогда?

– Я что, должен ее игнорировать?

– Нет. – Его вопрос вонзил мучительные булавки в самые чувствительные места ее души. – Но я боялась, что ты это сделаешь, – призналась она. – Я думала, нам обоим будет легче, если ты просто не будешь ни о чем знать.

– Мне не все равно, – сухо сказал Рико. Он зачерпнул ложкой густой суп. – И не только потому, что служанки в доме моей матери обязательно распознают сходство, как это сделала няня Сорчи, и начинают говорить. Она из Монтеро. Она имеет право на те блага, которые дает это имя.

Теперь он стоял прямо на гордости Поппи.

– Нам не нужна помощь, Рико. Это еще одна причина, почему я никогда не говорила тебе. Я не хотела, чтобы ты подумал, что мне нужны подачки. У нас все хорошо.

– Детский сад с нулевой охраной – это «нормально»? Что будет, когда станет известно, что ее отец богат? Мы принимаем элементарные меры предосторожности, Поппи. У вас даже нет сигнализации. Я не слышал щелчка

замка, когда открывал входную дверь.

Они жили в сельской местности Канады. Люди беспокоились о белках на чердаке, а не о грабителях в спальне.

– Никто не в курсе, что ты богат. Бабушка – единственный человек, который знает твое имя, и я не была полностью откровенна… кто ты на самом деле. – Поппи рассеянно провела щеткой по прядке волос, и та на целых пять секунд спряталась за ухом. – Не возражаешь, если я позову ее? Она принимает лекарства по расписанию и должна есть заранее. Мы стараемся придерживаться графика.

– Конечно. Мы обсудим наши дальнейшие действия после того, как Лили ляжет спать.

Глава 2

Поппи открыла калитку и отодвинула ее в сторону, оставив Рико кормить дочь.

Он видел, как Сорча и Сезар проделывали это со своими сыновьями бесчисленное количество раз. Рико всегда думал, что этот грязный процесс лучше оставить няне. Дети всегда пугали Рико.

Сорча на протяжении многих лет прижимала к нему своих сыновей, что достигло своей цели – вызвать в нем чувство привязанности, но, как и его родители, он рассматривал отцовство как нечто среднее между долгом и социальным экспериментом.

Но вот он сидит и смотрит на малышку. Мокрый палец указал на него. «Мама».

– Она сейчас вернется. – Рико вообразил, что Поппи действительно проведет несколько минут, разговаривая с бабушкой наедине.

Лили улыбнулась, прежде чем наклонилась вперед и открыла рот.

Черт, малышка показалась ему прекрасной! У нее была свежая белоснежная кожа матери и золотисто-рыжие ресницы, здоровые круглые щеки и подбородок, который наводил на мысль, что она унаследовала его упрямство вместе с цветом глаз.

Прилив гордости охватил Рико, когда он напомнил себе, что еще не знает окончательно, что она принадлежит ему. Анализ ДНК на чашке был долгой процедурой.

Тем не менее с того момента, как Сорча доверила ему свои подозрения, в нем начал разгораться неистовый огонь, разжигаемый еще одной женщиной, скрывавшей от него свои секреты.

Поппи казалась такой простодушной. Так освежающе честной и настоящей.

Рико мысленно вернулся в тот день, когда его обманом заставили сделать ребенка женщине, которая держала свою беременность в секрете.

Он ведь когда-то думал, что его матери не понравится, если он откроет бутылку свадебного шампанского, хотя она и раздобыла сотню ящиков, которые были лишними, потому что свадьбу отменили.

Вместо этого Рико налил себе отцовского виски в бильярдной. Он взял его с собой в солярий, намереваясь угостить садовника сигаретой. Это была слабость, которую он бросил много лет назад, но жажда все еще иногда поражала, когда его жизнь шла наперекосяк.

Но все случилось в конце дня. Нагретая солнцем комната была до отказа набита лилиями, принесенными взамен тех, что пострадали от поздних заморозков. Солярий был пуст, а на рабочем столе в глубине стояла грязная пепельница и лежала пустая пачка сигарет.

– О! Мне очень жаль.

Женщина говорила на английском языке. Скорее всего, американка. Он обернулся и увидел рыжеволосую горничную, которая час назад стояла на лестнице, когда Фаустина закатывала истерику, в том числе с использованием

веджвудского фарфора его матери, подчеркивая конец их помолвки. Много позже он поймет, под каким давлением находилась Фаустина, но в то время она была невестой, которую он с облегчением бросил.

А то, что ее прервала горничная, было приятным развлечением.

Ее звали Поппи. Рико знал это, даже не глядя на вышитую бирку на ее униформе. Она уставилась на него широко раскрытыми глазами лани, испуганно заметив, как он крадет сигареты, словно ему снова тринадцать.

– Я имею в виду… хм… простите. – Она повернулась, чтобы вернуться тем же путем, каким пришла.

– Подождите. У вас есть сигарета? – спросил он по-английски.

– Сигарета? Нет. – Она резко обернулась. – Разве я похожа на курильщика?

Подобное сравнение позабавило Рико.

– А я? – протянул он. – А как мы выглядим?

– Я не знаю. – Она усмехнулась и слегка покраснела. Чистая кожа светилась розовым подсолнечным светом, как снег в конце дня на нетронутых лыжных склонах. – Я… э-э-э… не знала, что ты куришь. – Она сглотнула и застенчиво сложила руки перед собой.

Ах. Поппи ведь тоже наблюдала за ним, не так ли?

Отношения с прислугой матери были под запретом с тех пор, как его брат впервые поцеловался со служанкой. У Рико тогда еще не появился шанс сделать это. Поппи привлекла его внимание своими ярко-рыжими волосами. Кудряшки выбились из пучка, в который она их собрала, дразня его фантазиями о том, как он освободит остальные и погрузит руки в эту кудрявую массу.

Все остальное в ней тоже было чертовски милым, хотя и немного худощавым и молодым. Может быть, это из-за отсутствия косметики. Эти женственные пухлые губы… Ее брови были такими светлыми, подбородок дерзким, а взгляд темно-

карих глаз, уверенным и выразительным.

Нет, напомнил он себе. Он помолвлен.

Фаустина решительно и недвусмысленно разорвала их помолвку, несмотря на все усилия его матери уговорить ее вернуться на борт корабля.

Мать ушла на покой с мокрым компрессом на лбу и таблеткой от мигрени. Он пришел сюда, потому что не мог вернуться домой. Его дом обновлялся для его невесты, которая теперь отказывалась разделить с ним свою жизнь. Всю дорогу до дома брата, чтобы напиться в стельку, он чувствовал себя ненужным.

– Я не курю. – Рико уронил пустую пачку и взял свой стакан. – Я бунтовал около года, когда был подростком, но мне показалось, что это хороший повод поговорить с Эрнесто о футболе и других несущественных вещах. – Ему до смерти надоело болтать о свадьбах, долге и ожидаемом влиянии на семейное состояние.

Плечи Поппи смягчились, а золотисто-рыжие брови сочувственно изогнулись.

– Мне действительно очень жаль. – Ее голос звучал восхитительно искренне. – Я оставлю тебя наедине с собой…

– Погрязнуть в горе? Нет, спасибо. Я не хочу прогонять тебя, если у тебя перерыв.

– Нет, я закончила. Я знаю, что нам не положено срезать путь, чтобы добраться до раздевалки над гаражом, но я надеялась поймать Эрнесто. Иногда он меня подвозит.

– Ты американка? – спросил он.

Ее светло-рыжие ресницы удивленно дрогнули, выражение лица стало застенчивым. Такое поведение дразнило его, пробуждая внутреннего охотника. Этот изголодавшийся зверь был заперт в пещере последние шесть месяцев, но неожиданно оказался свободным от тяжелой цепи, которую он повесил себе на шею. Солнце светило ему прямо в глаза, ветер трепал его мех, и он ощущал

запах страстной женщины.

– Канадка. Саскачеван. Маленький городок, где нет ничего, кроме полей и облаков. – Она покачала головой. – Вы никогда не слышали об этом месте.

– Как ты здесь оказалась?

– Я бы рассказала, но боюсь, вы умрете со скуки.

Красивая улыбка играла на губах Поппи, и мягкий румянец удовольствия горел на ее коже.

– Я пришел сюда покурить. Ясно, что у меня есть желание умереть.

– Хорошо, но останови меня, если почувствуешь головокружение.

«Определенно мне не будет скучно», – подумал он с тайной улыбкой. Она была не просто первой сигаретой через много лет после того, как он бросил курить. Конечно, он втягивал ее в этот легкомысленный флирт с жадностью, но обнаружил, что наслаждается ее остроумием. Он был искренне заинтригован ею.

– Я копила деньги, чтобы путешествовать по Европе с подругой, но она сломала лодыжку на второй день и улетела домой. – Поппи сложила руки на груди. – Я потащилась сюда вместе с несколькими студентами из общежития, но через несколько дней после нашего приезда один из них украл все, что у меня было. – Она улыбнулась, но напряженность вокруг ее глаз и рта сказала ему, что она все еще расстроена.

– Ты обращалась в полицию? – серьезно спросил Рико.

– Это была моя вина. – Она вздрогнула от самобичевания. – Однажды утром я дала ему свою карточку, чтобы он дал мне немного наличных. Должно быть, он сделал копию или что-то в этом роде. Через три дня он забрал все мои сбережения и исчез. У меня был паспорт, пакетик с изюмом и расческа. Потеря фотоаппарата опустошила меня больше всего. Это был подарок, и карта памяти все еще была в нем, но у меня не было возможности заполнить ее. Это был

огромный облом, – подвела она итог с философской легкостью.

– Ты фотограф?

– Уже нет, – заявила она с отвращением, а затем пожала плечами. – По крайней мере, я заплатила за неделю в гостинице. Я навела справки и связалась с временным агентством. Меня пригласили помочь убрать домик у бассейна и гостевой коттедж. Дарне понравилась моя работа, и она попросила меня остаться на полный рабочий день в большом доме. С тех пор я коплю деньги на билет домой.

– Сколько тебе нужно? – Рико полез в карман.

– О нет! – Поппи остановила его в ужасе. – У меня достаточно денег. Я только что договорилась с Дарной, что сегодня мой последний день. Она думала, что я буду нужна ей до конца июня… – Она замолчала, вздрогнув, когда поняла, с кем говорит.

Возникло неловкое молчание.

– Мне казалось, что свадьба будет очень красивой. – Она говорила извиняющимся тоном. – Мне жаль, что ничего не вышло.

Она говорила искренне.

– Я слышал, что канадцы часто извиняются. Я не поверил своим ушам.

– Это так. Извиняюсь. – На этот раз она подмигнула.

Ей жаль?

Поппи было двадцать два года, она разочаровалась после того, как ее обманули в погоне за мечтой, но все же хотела вернуться домой, чтобы выполнить семейные обязательства. Он понимал это давление и поделился своими собственными причинами, почему согласился с семейными ожиданиями.

Эта близость привела к поцелую, и его ноги каким-то образом перенесли ее к занавешенной простыней мебели, спрятанной среди джунглей ароматных лилий.

С тех пор как Рико узнал о Лили, он был убежден, что Поппи каким-то образом обманула его, как это сделала Фаустина, ради своих собственных гнусных целей.

Теперь, когда он приехал сюда, все подозрения рассеялись. Ее дом был простеньким, старым, но опрятным и ухоженным. Ее связь с бабушкой и дочерью казалась искренней, и, судя по отчетам, которые он заказал, Поппи вполне неплохо зарабатывала. В ее послужном списке не было даже штрафа за превышение скорости.

Рико спокойно наблюдал за сосредоточенным усилием Лили дотронуться ложкой до супа и ощутить его вкус во рту. Она ухмыльнулась, когда ей это удалось.

У него не было доказательств, но он был убежден, что дочь принадлежит ему. Ему необходимо заявить на нее права.

Что же касается Поппи, то он все еще впитывал то воздействие, которое она продолжала оказывать на него. Он все еще остро реагировал на нее. Один взгляд на нее в джинсах и свободном пуловере – и у него потекли слюнки. Никакой косметики, волосы собраны в беспорядочный узел на голове, настороженность, как нимб вокруг изящной головки, и все же ему пришлось сдержаться, чтобы не потянуться к ней. Не для того, чтобы схватить или завладеть, а просто прикоснуться. Наполнить руки ее текстурой.

Была ли ее кожа такой же гладкой и мягкой, как в его эротических снах? Напрягутся ли ее соски, если он оближет их, а потом снова слегка подует? Неужели ее голос все еще срывается от оргазма и этот звук снова вызовет приятную дрожь по его спине?

Эта химия была слабостью, которая предупреждала его держать себя в руках, но ни на йоту не отвлекала от его плана.

На самом деле это разжигало огонь предвкушения.

Напряжение Поппи не покидало ее и во время ужина, несмотря на то что Рико продолжал завоевывать ее бабушку обаянием, о котором даже Поппи не подозревала: он интересовался ее здоровьем и выразил соболезнования по поводу дедушки.

– Мне очень жаль, что вы потеряли его. Помнится, Поппи говорила, что он нездоров.

Поппи фыркнула, подозревая, что он вспомнил эту деталь только потому, что она напомнила ему об этом час назад.

– Я спросил тебя, почему ты не тратишь сэкономленные деньги на то, чтобы поближе познакомиться с Европой, – оскорбленно парировал Рико. – Ты сказала, что твоим бабушке и дедушке нужна помощь, чтобы переехать в пансионат.

На мгновение она увидела отблески голубого и зеленого в его радужках, говорящие, что он помнит все о том дне.

Жар вновь пронзил ее тело насквозь.

– Мы говорили о переезде, – сказала бабушка, заставляя Рико оторвать от нее взгляд. – Я не могла сама присматривать за Биллом, но присутствие Поппи позволило нам прожить в нашем доме лишний год. – Бабушка сжала свою руку поверх руки Поппи, сила ее хватки была мучительно слабой. – Он исчез бы еще быстрее, если бы нам пришлось покинуть этот дом. Я всегда буду благодарна ей за то, что она дала нам это. Не знаю, что бы я делала, если бы ее не было здесь все эти месяцы после его ухода. Она была нашим особым благословением всю нашу жизнь.

– Бабушка. – Поппи расплакалась.

– И Лили – любимая малышка. – Бабушка улыбнулась девочке. – Но время пришло.

– Время? – повторила Поппи с приглушенной тревогой.

– Я позвоню твоей тете Шейле утром, – сказала она о своей сестре, похлопав Поппи по плечу, прежде чем та убрала руку. – Она живет ближе всех к пансионату. Я уверена, что смогу остаться с ней, пока не освободится комната.

– Бабушка, нет.

– Поппи. Мы обе знаем, что я не должна была быть здесь этой зимой, создавая для тебя дополнительные трудности. Ты чистила дорожку в свой единственный выходной, чтобы отвезти меня к доктору. Мне тоже нечего делать возле этого льда у крыльца. Ты накручиваешь Лили, боясь, что я споткнусь о нее. Я волнуюсь. Нет, я не хочу отрывать тебя от той жизни, которую ты должна вести.

– Это та жизнь.

– О, а твой друг не хочет переехать к нам? – спросила бабушка.

– Я вижу, откуда Поппи берет свою искру. – Слабая улыбка тронула губы Рико. – Нам с Поппи нужно обсудить детали, но вы правы, моя жизнь сосредоточена в Испании. Я здесь, чтобы жениться на ней и забрать Поппи и Лили домой.

Сердце Поппи бешено забилось. Ее разум взорвался. Он не вырывал дочь из ее рук, но она не испытывала облегчения. Она сразу поняла, что дело не в ней. В первый раз Рико женился из холодных практических соображений. Он мог ослепить ее бабушку добротой и обаянием, но это был бесстрастный шаг, чтобы получить то, что он хочет, самым быстрым и эффективным способом.

– Моя жизнь здесь, с бабушкой, – дрожащим голосом настаивала Поппи. – Ей нужно, чтобы я была рядом, даже если она переедет в пансионат.

– Поппи. – Хрупкая рука старушки снова легла на ее руку. – Мне нужно знать, что, когда я уйду, ты найдешь кого-то, кто позаботится о тебе и Лили. Этот человек должен быть ее отцом. – Она легонько похлопала Поппи по плечу и сказала со спокойной силой: – Я знаю, что это значило бы для тебя.

– Совершенно очевидно, что Поппи не будет чувствовать себя комфортно без вашего участия, Элинор. Дайте нам возможность закончить разговор. А потом мы с вами обсудим ваши варианты. Я уверен, что мы сможем найти решения,

которые удовлетворят всех нас.

Поппи встала, чтобы убрать со стола.

Глава 3

Поппи искупала Лили и уложила ее в кроватку, не уделяя дочери того внимания, которого она заслуживала, потому что ее мысли все еще были заняты появлением Рико и требованием большего, чем его дочь. Брак.

Неужели она сама прокрутила эту фантазию в своем девичьем мозгу? Да. Даже до того, как она переспала с ним. Она была очарована им в течение многих недель, остро ощущая его присутствие, независимо от того, делал ли он сухое замечание или потягивал апельсиновый сок. Он казался отчужденным, но непринужденным. Когда она услышала, как Фаустина разошлась не на шутку, разбивая вазу и крича, что их свадьба отменяется, Рико только сказал спокойным голосом: «Дай посмотреть дно этой вазы. Мне придется ее заменить».

В глубине души она была взволнована тем, что Фаустина положила этому конец. Рада за него.

В солярии он был тем очаровательным мужчиной, которого она видела сегодня за ужином, тем, кто проявлял такой интерес к другим. Но было легко не заметить, что он очень мало говорил о себе.

Однако в тот день он рассказал ей достаточно. Достаточно того, что ее одурачили, заставив думать, что она ему нравится. Что между ними загорелась искра.

Поппи ошибалась. Это был настоящий мужчина. Он был суров и пуглив. Он не повышал голос, потому что ему это не нужно было делать. Его желания, произнесенные таким неумолимым тоном, были полны силы. Она инстинктивно понимала, что его нельзя сдвинуть с выбранного курса.

Но он не хотел ее. Она была всего лишь препятствием, которое он старался преодолеть как можно быстрее. Бабушка расценила бы этот брак как шаг к безопасности, но Поппи отказалась так легко поверить его предложению. Что, если он привезет ее туда и быстро разведется с ней? Отвезет ее в суд для опеки? Она не проживет и дня без Лили.

Лили устроилась поудобнее, а Поппи пошла в гостиную. Рико закончил свои звонки и теперь болтал с ее бабушкой.

То, что он был в ее доме, заставляло ее нервничать. Это было ее личное пространство, где она раскрывала свою истинную сущность в выцветших, беззубых фотографиях на стене рядом с некоторыми из ее самых ранних фотографических работ. Они с бабушкой копались в коробке с романами в мягкой обложке, которые Поппи купила на гаражной распродаже. Последняя страстная обложка Поппи лежала раскрытая на кофейном столике.

На каминной полке стояла оформленная в рамку грамота Поппи «работник месяца». Ее босс на автобусной станции дал ей грамоту в шутку. Кроме него, она была единственным работником и работала неполный рабочий день. Бабушка впервые за много лет хорошо посмеялась, когда Поппи принесла грамоту домой. Потом они плакали, потому что дедушке это тоже понравилось бы.

Рядом с грамотой стояла обычная поздравительная открытка с прошлого месяца, подписанная: «С любовью, мама». Это было единственное сообщение, кроме напечатанного стихотворения.

Рико слишком часто видел ее в этом пространстве. Возможно, собирал доказательства, чтобы объяснить, почему его дочь не может остаться здесь. Человек с таким низким уровнем сентиментальности не смог бы распознать комфорт в потертой мебели и ценность пропитанных воспоминаниями стен.

– Синоптики говорят, что сегодня хорошая ночь для наблюдения за звездами, – говорила бабушка Рико, кивая на телевизор. – Вы можете даже увидеть северное сияние.

– На улице холодно, – запротестовала Поппи. Весна, может быть, и наступит через несколько дней по календарю, но каждое утро на ее лобовом стекле все еще лежал густой иней.

– Оденьтесь потеплее, – отвергла доводы Поппи бабушка. – Мы с твоим дедушкой всегда приходили к согласию, гуляя вокруг пруда Фишера. У нас есть телефон. – Она дотронулась до стола, на котором стоял беспроводной телефон. – Я позвоню, если Лили проснется и начнет суетиться.

Поппи взглянула на Рико, надеясь, что он скажет, что уже поздно и он вернется завтра.

– Я оставил перчатки в машине. Заберу их по дороге.

Она сдержала раздражение и поднялась, натягивая сапоги, рукавицы и шляпу, прежде чем выйти в то, что на самом деле было довольно мягкой ночью, учитывая, что небо было ясным, а на земле все еще лежал снег.

Луна превратила мир в голубоватый дневной свет, и ее шаги захрустели по индевелой земле вслед за шагами Рико, когда они отошли от машины. Пока они шли, он намотал на шею красный шарф.

– До сегодняшнего дня я летал над прериями, но никогда не проезжал через них. – Его дыхание вырвалось облаком пара, когда он заговорил.

– Было тяжело не заснуть?

– Нет, но это очень расслабляет. Дает вам время и пространство для размышлений.

Она не стала спрашивать, о чем он думал, просто повела его мимо последнего дома на их улице, потом по тропинке в снегу к углублению, которое было прудом Фишера.

Это было оживленное место в середине зимы. Соседские дети играли в хоккей при каждом удобном случае, но теперь были вывешены знаки, что лед истончается и больше не безопасен. Импровизированные скамейки и фонари исчезли, остался только утоптанный круг вокруг пруда, который летом был популярен среди собачников. Сегодня вечером они были здесь одни.

– Я тоже никогда не видел Млечный Путь таким, – признался он, кивая на звездный шов, прорезавший небо. – Не такой уж ясный и массивный.

– Рико, я не могу поехать с тобой в Испанию.

– Я могу нанять сиделку, – сказал он деловым тоном. – Или поселим ее в любом заведении, которое она выберет. Ты сможешь вернуться сюда в течение дня, если возникнут проблемы. Не используй свою бабушку как предлог, чтобы держать мою дочь подальше от меня.

Ого. Она потерла варежкой холодный нос, стараясь не дать ему онеметь.

– Она не оправдание. Она – моя семья.

Он переварил это, а затем спросил:

– Где твои родители? Почему на тебя свалилась забота о твоих дедушке и бабушке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kollinz_deni/nauchi-verit-v-lyubov

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити